

Снежное море

Жаклин де Гё

ФАНТАСТИКА

Собрыва открывался вид на снежное море. Бесконечные цепочки волнистых сугробов, ритмично колыхаясь, двигались к берегу. Лиловое солнце висело по-закатному низко. Далеко, почти у самого горизонта, виднелась темная кромка острова Ледяной Радуги.

За спиной, в «Крепости на утесах», гулко забил колокол. «К ужину нельзя опаздывать», — вспомнил Росси. Он последний раз взглянул на стайку качавшихся среди снежных волн пушистых белых шаров, повернулся и быстро зашагал к воротам.

Вкают-компании вкусно пахло, с потолка лился уютный желтый свет. Все курсанты уже заняли свои места за столом. Росси быстро присоединился к ним, придвинул к себе тарелку, начал с аппетитом хлебать густой и горячей овощной суп. Сосед справа, щекастый мальчишка с младшего курса, так увлекся едой, что даже головы не повернул, а девушка слева — курносая, скуластая, с насмешливым круглым личиком — взглянула исподлобья и слегка отодвинулась в сторону.

Во главе стола восседала прапорщик Эльге. Высокая, очень тощая. Кожа бледная, как у всех пришлых, а короткие волосы медно-рыжие, почти такие же яркие, как красные нашивки на рукаве черного форменного мундира. Желтоватые глаза Эльге внимательно следили за курсантами. Когда со второй переменной блюд было покончено, прапорщик пристукнула жезлом по прозрачной поверхности стола. Пустые плоски исчезли, на их месте появились блюда с десертом. Росси с опаской посмотрел на золотистое желе. Соседка слева вдруг хмыкнула, посоветовала вполголоса:

— Бери побольше, пока он, — она кивнула в сторону пухлого мальчишки, — не забрал все себе. Это очень вкусно.

Первый раз за два дня с Росси наконец заговорил кто-то из курсантов. От неожиданности он чуть не плюхнул десерт мимо блюдца. Девушка снова хмыкнула и отвела взгляд. Пухлый покосился, но ничего не сказал.

Росси попробовал желе — оно оказалось очень приятным на вкус.

— Ну что, нравится? — прошептала неугомонная соседка.

Росси кивнул.

— Вот и хорошо. В следующий раз не сомневайся, хватай, сколько успеешь. У нас не дают добавки, зато еда отличная. Таких поваров, как в Крепости, ни в одном училище больше нет. Мы же будущая элита, нам прививают хороший вкус.

Росси не знал, что такое «элита», но решил не расспрашивать, чтобы не разозлить болтовней прапорщика. Пока достаточно просто познакомиться.

— Как тебя зовут? — спросил он тихо.

— Лика. Кстати, ее, — Лика указала глазами на Эльге, —

все называют Зануда. У остальных тоже есть клички, я тебе потом скажу. И вообще объясню, что и как. Но ты мне за это pomoжешь с расчетами, хорошо? Я слышала, ты почти гений...

Росси не удержался от вопроса:

— От кого слышала?

— Ну, так, — неопределенно пожала плечами Лика. — Говорят. Про новеньких всегда говорят, разве ты не знаешь?

Росси не знал. На острове Ледяной Радуги никогда не было новеньких. Если, конечно, не считать новорожденных младенцев.

Сегодня Росси прошел вдоль обрыва до спуска к морю. Над проходом воздух дрожал и переливался — сотни мелких ботов поддерживали защитный заслон, следили, чтобы никто из курсантов не удрал вниз, на покрытый разводами мерзлой соли песчаный берег.

Большой камень рядом со спуском серебристо блестел — мохнатый паук оплел его сетью до самой земли. Видно, почуял под камнем норку синих червей, потому и сделал ловушку.

— Ага, я тебя все-таки нашел!

Росси резко повернулся. В шаге от него стоял пухлый сосед по столу, шмыгая покрасневшим от холода носом. Вид у него был довольный.

— А зачем ты искал меня, Мякиш?

Вообще-то пухлого звали Марри. Но теперь Росси знал не только имена, но и прозвища почти всех в училище — Лика сдержала слово.

— Просто так. — Мякиш пожал плечами. — Интересно же, почему тебя тянет к морю. Ходишь сюда почти каждый день.

— Правилами это не запрещается. На уроки и трапезы я не опаздываю, значит, ничего не нарушаю.

— Никто и не говорит, что нарушаешь, — миролюбиво возразил Мякиш. — И я не для того сюда пришел, чтоб потом пожаловаться. Просто хочу посмотреть своими глазами, вот и все. Я же раньше никогда не видел настоящего моря. И неба такого не видел тоже. И вообще, раз тебе можно, почему мне нельзя?

Росси попытался представить себя на месте человека, который всю жизнь, с самого рождения, жил в космическом корабле — без вида на залив, без свежего ветра, без закатов и восходов, — и неловко пожал плечами.

— Разве я говорил, что нельзя? Смотри, конечно.

Некоторое время они молча наблюдали, как ряд за рядом движутся к берегу зеленовато-белые, искрящиеся на солнце валы. Слушали доносящийся из-под обрыва шелест пластов морского снега о прибрежный песок.

Шары сегодня подошли совсем близко к берегу и резвились в полосе медлительного, тяжеловесного прибоя — подскакивали, взлетали на его гребни, скатывались со склонов. Толкались, перепрыгивали друг через друга, сцеплялись по двое, по трое. Иногда сугробы-волны вдруг останавливались на секунду, соединялись, слипались вместе, и из них выскакивал на поверхность очередной белый комок, который тут же присоединялся к собратьям. Росси мог смотреть на их игры часами. Он не сумел бы объяснить, откуда он знает, что шарам очень весело, — просто чувствовал это.

— Прикольно, когда у воздуха есть вкус и запах, — неожиданно сказал Мякиш. — И свет здесь совсем не такой, как на корабле, а живой и горячий. И волны эти живые. И шары...

— Да, — кивнул Росси. — А почему нам запрещают спускаться вниз?

Мякиш озадаченно уставился на него:

— Что значит «почему»? Ты же местный, сам должен знать, что прямой контакт со снежным морем смертельно опасен. А, я понял! Ты меня проверяешь!

Росси хотел возразить, но вовремя вспомнил слова деда: «Что бы тебе ни говорили пришлые — не спорь. Сначала узнай их получше». Он отвернулся от обрыва, сказал:

— Хочешь, покажу тебе, как выманить паука из укрытия?

Строевую подготовку Росси невзлюбил с первого же дня. Не потому, что это было трудно, а потому, что казалось бессмысленным и неприятным. Дома, на острове Ледяной Радуги, все занятия спортом были игрой — веселой, как пляски шаров на гребнях прибоя. И наставники никогда не командовали играми, а просто объясняли правила и тактику и дружелюбно подсказывали, как сыграть по успешнее. А тут все оказалось совсем по-другому. Росси никак не мог понять, зачем нужно поворачиваться по команде направо или налево, почему ходить строем нужно в ногу, какой смысл в стоянии навтыжку по стойке «смирно». Еще он не понимал, почему наставники на этих занятиях вдруг начинают разговаривать так жестко и грубо — разве нельзя попросить о том же самом спокойно и вежливо? Правда, остальные курсанты не видели в этом ничего обидного — и Росси, подумав, решил тоже не обижаться, а относиться к строевой как к игре с непривычными правилами. Но все же при случае осторожно поинтересовался у преподавательницы, лейтенанта Миреллы, зачем нужно тратить столько времени на эти занятия. Мирелла, немолодая, подтянутая, за пределами плаца держалась довольно дружелюбно. Однако в ответ на вопрос Росси она недоуменно взглянула на него и пожала плечами:

— Да у вас и так всего два часа строевой в день. Разве это много? В кавалерийском училище на этот предмет отводится по три. И еще столько же времени на выездку.

Росси недоверчиво спросил:

— Шесть часов в день на эту... — он чуть не сказал «ерунду», но вовремя спохватился, — подготовку? Когда же они учатся?

— Это и есть их учеба. Не всем же сидеть над расчетами. — Мирелла смотрела на островитянина-аборигена слегка устало, словно он заставлял ее объяснять что-то, что и так понятно. — Росси, у всех землян одна общая цель — колонизация новых планет. Ради этого уходят в

космос эскадры кораблей. Ради этого все, кто находится в экспедиции, с рождения учатся тому, что потом пригодится при высадке. Но у каждого в экипаже своя задача, поэтому и учебные программы составлены по-разному. Для кавалеристов важнее хорошая физическая подготовка. А наша «Крепость на утесах» — инженерное училище. Здесь учатся строить безопасные, хорошо укрепленные объекты. Понял?

— Нет, — честно ответил Росси. — Если наше дело — строить, зачем вообще нам надо маршировать в ногу?

— Потому что строевая подготовка развивает дисциплину и умение не раздумывая выполнять приказы. Теперь понял? Или есть еще вопросы?

У Росси был вопрос. Дома его учили, что, прежде чем совершить какое-то действие, надо хорошо подумать, представить возможные последствия и взвесить все «за» и «против». И теперь ему очень хотелось спросить, почему инженер должен выполнять приказы не раздумывая. Но Мирелла смотрела так, словно требовала как можно скорее прекратить этот разговор. И Росси решил, что лучше спросит потом кого-нибудь другого.

— Никак нет, — четко произнес он. — У меня больше нет вопросов. Все понятно, госпожа лейтенант.

Взгляд Миреллы смягчился.

— Ну и отлично. Я рада, что смогла помочь тебе разобраться. С непривычки всегда тяжело понять и принять... но, поверь, у предков твоих сородичей были такие же правила, как у нас. Иначе они не смогли бы долететь до этой планеты и основать здесь колонию. Просто вы здесь так давно, что все забыли. Удивительно, что вообще не вымерли... даже не превратились в дикарей. — Она вдруг улыбнулась, похлопала Росси по плечу: — Вам повезло, что мы на вас наткнулись. Теперь вы сможете вернуться к цивилизации.

Росси отсалютовал ей, как положено, и ушел.

По дороге в свою каюту он думал о многом. Когда пришлые только прилетели, бабушка сказала: «Какое несчастливое совпадение. В космосе столько планет, надо же было, чтобы они набрали именно на эту. Кончилась наша спокойная жизнь». Дед нахмурился в ответ: «Не говори так. Они такие же скитальцы, как и мы, и имеют такое же право просить планету о гостеприимстве». Росси вспомнил рассказы курсантов о жизни на корабле. И наконец понял, что же удивляло его в пришлых больше всего: они все родились и выросли в пути. Ничего толком не знали ни о той планете, которую покинули их предки, ни о той, на которую прилетели. Но почему-то были уверены, что именно у них есть правильные ответы на все вопросы.

Вкаюте Росси первым делом проверил свой браслет. Дед опасался, что его отберут сразу при поступлении, но прапорщик Эльге даже не поняла, что это такое. У пришлых устройства для дальней связи выглядели по-другому — плоские гаджеты с ладонь величиной. Зануда покрутила браслет в руках, сказала отрывисто: «На занятия не надевать! У нас не положено носить украшения в учебное время!» — и вернула его Росси.

Росси забрался с ногами на койку и начал просматривать сегодняшние голограммы. Бабушка подробно перечислила все мелкие домашние новости и всех друзей и родственников, передававших привет. Мама, как обычно, почти ничего не говорила о себе, только спрашивала о

Росси — как ему живется, чем он занимается, завел ли друзей, справляется ли с учебой, не скучает ли? И видно было, что она сама очень волнуется и скучает, хоть и не подает виду. Сообщение от отца было самым длинным и самым интересным — он выходил на связь из теплиц, показывал Росси сектор за сектором, заснял для него испытания нового насоса, радовался хорошему урожаю, переживал из-за нашествия пятнистых губок на восточные отдели. Короче всех высказался дед:

«Привет, внук, как ты там, среди пришлых? Жаль, что они согласились принять только одного ученика — в группе было бы легче. Надеюсь, ты сможешь подружиться со сверстниками. Слушай, смотри, запоминай. Старайся их понять. Старайся, чтобы поняли тебя. Не осуждай незнакомых обычаев и не навязывай своих. Старайся не выделяться, не противопоставляй себя им без необходимости. Нет ничего плохого в том, чтобы подражать чужим традициям, если они разумны и не причиняют никому вреда. Наблюдай. Анализируй. Сравнивай. Надеюсь, твой опыт поможет всем».

Росси снова убрал браслет в отсек для личных вещей. Дед, как всегда, заставил его задуматься.

— Э то совсем не так сложно, как тебе кажется. Надо просто хорошо представлять значение любого символа. Тогда ты легко сможешь и читать формулы и сам описывать формулами любые действия.

Мякиш смотрел на Росси, наморщив лоб. Видимо, пытался изобразить работу мысли. Вот только в глазах у пухлого этой самой мысли не было вообще — одна блаженная безмятежность. Росси вздохнул:

— Слушай, а почему ты решил стать инженером? Шел бы в кавалерию...

Морщинки на лбу Мякиша немедленно разгладились, выражение лица стало живым и радостным — поболтать о простых и понятных вещах он любил.

— У меня координация плохая, — с готовностью объяснил он. — И реакция. Поэтому меня не взяли в кавалерию. И в пилоты я тоже не гожусь. А в биологи сам не пошел. Не люблю убивать живое.

Росси опешил.

— Разве биологи убивают? — спросил он.

Мякиш взглянул удивленно:

— Ну конечно. Это же их работа. На планетах, пригодных для людей, обычно обязательно уже живут какие-нибудь местные твари. Чтобы освоить территорию, всю эту живность надо уничтожить, но не выжигать же все подряд — кому нужна бесплодная пустыня... Вот биологи и придумывают всякие хитрые способы для борьбы с ненужными видами. А у вас что, нет биологов?!

— Есть, — растерянно ответил Росси. — Но наши никого не убивают. Они выводят новые сорта растений, придумывают, как увеличить урожай, клонируют из клеток съедобное мясо, синтезируют лекарства, лечат людей...

Мякиш помолчал, обдумывая сказанное, потом заявил уверенно:

— Это потому, что вы здесь уже очень давно. Видимо, всех, кто мешал жить спокойно, поубивали еще первые колонисты. Хотя, по-моему, они оставили много всяких лишних тварей. Губки, пауки, черви... И эти шары.

— Они не могут быть лишними, — резко возразил Росси. — Это их планета. Скорее уж мы здесь лишние, а не они.

ФАНТАСТИКА

Мякиш испуганно моргнул. Росси тут же пожалел о своей несдержанности. Дед прав — нельзя осуждать, надо спокойно объяснять, стараться, чтобы тебя поняли.

— Я тебе про шары потом расскажу поподробнее, — сказал он примирительно. — Чтобы ты знал, как мы к ним относимся и почему. А пока просто представь — живешь ты на своей планете, и вдруг прилетает кто-то посторонний, большой и сильный, и начинает решать за тебя — лишний ты тут или нет. Тебе бы приятно было?

Мякиш замотал головой:

— Нет, конечно! Но я же человек! Я разумный! А животные и растения — нет!

— Как ты можешь знать, кто разумный, а кто нет, если даже еще и не понаблюдал за ними как следует? Может, они думают в сто раз лучше и быстрее, только по-другому? А даже если незнакомые существа и правда животные — неужели это повод уничтожать целый вид? Ведь люди тоже не сразу стали людьми. Может, ты уничтожаешь будущую расу великих мыслителей?

Вид у Мякиша стал совсем растерянный.

— Но нам нужны новые планеты... — тихо сказал он. — Ты просто не знаешь, этого не говорят на уроках, об этом вообще не положено говорить... — Он понизил голос до еле различимого шепота. — На Земле уже давно нельзя жить нормально... там была война. И теперь почти везде пустыня, и воду пить нельзя...

— Мы догадывались про Землю, — вздохнул Росси. — В наших летописях много написано о том, почему предки решили удрать оттуда навсегда. Если все это правда, то вообще удивительно, что планета еще цела...

Мякиш коротко вздохнул, попросил:

— Ты не говори никому, что я тебе сказал, ладно?

— Ладно, — кивнул Росси, — не скажу. И давай больше не отвлекаться, а то мы так никогда не закончим. Где там твои задачи по баллистике?

После ужина Росси сразу ушел к себе — надо было напечатать макет укрепленного плавучего форта. Ему нравилось рассчитывать и проектировать такие сложные конструкции, хотя каждый раз удивляло изобилие орудийных башенок, бойниц и прочих огневых точек. Впрочем, на этот раз «оборонительный комплект», указанный в задании, оказался не слишком большим. Росси надеялся, что сможет этим же вечером закончить макет. Однако в самый разгар работы в его каюту постучались.

— Войдите! — крикнул Росси, с любопытством поворачиваясь к двери, — до сих пор к нему не приходили гости. Вошла Лика.

Росси, как воспитанный хозяин, попытался предложить ей свой единственный стул, но она замахала рукой:

— Ну что ты, что ты, сиди, тебе же надо заниматься! — и примостилась на краю койки.

Некоторое время оба молчали. Росси выжидательно смотрел на девушку, а она глядела по сторонам так долго и с таким интересом, словно перед ней была не стандартная каюта курсанта, почти такая же, как ее собственная, а теплица с редкими растениями или оружейный склад.

— Что это? — спросила она наконец тихим голосом, совсем не похожим на ее обычный насмешливый тон, и указала на висевший над изголовьем постели прозрачный шарик, на три четверти заполненный белесой мутью.

— Это мой амулет, — охотно объяснил Росси. — Частичка снежного моря.

Лика резко вскочила, шарахнулась в сторону и вжалась в угол, с ужасом глядя на амулет.

— Ты с ума сошел! Жить надоело?! В этой штуке — смерть!!!

Росси расхохотался, поднялся со стула, шагнул к Лике:

— Клянусь, никакой смерти там нет. Не знаю, почему вы все так думаете. Море совсем не так опасно, как вам кажется!

Девушка замотала головой:

— Неправда! Море очень опасно! Мой отец — главный биолог экспедиции, он исследует море, он мне рассказывал! Эта белая масса — вовсе не снег, там воды-то не больше сорока процентов, а все остальное — крохотные живые организмы! Они слипаются в шары, агрессивные и прожорливые, нападают на людей...

Росси, пытаясь успокоить Лику, взял ее за руку, потянул к себе.

— Да глупости все это, — ласково сказал он. — Ну вот честное слово, все совсем не так страшно. Шары вовсе не агрессивные. И никогда не нападают первыми. Если шар напал — значит, его обидели.

Лика руку не отнимала и слушала внимательно, но по-прежнему смотрела на шар с отвращением и ужасом.

— Шары по-своему разумны, — продолжал Росси. — Каждая клетка по отдельности маленькая и глупая, но когда они объединяются вместе, то думают в миллион раз лучше и быстрее. А когда им скучно, принимают удобную форму, играют и пляшут на волнах. Они чувствуют обиду и боль, совсем как люди. Поэтому их и нельзя обижать.

Он выпустил из своей ладони руку девушки, подошел к амулету, бережно провел по нему кончиками пальцев.

— И есть еще одна причина... Знаешь, как мы хороним наших покойников?

Лика помотала головой.

— Мы кладем их тела в отлив у кромки прибоа, чтобы море забрало их себе, растворило и дало вторую жизнь. Это очень древний обычай. Много, много поколений людей Радуги ушли в море и стали морем. И мы тоже когда-нибудь уйдем вслед за ними. Вот поэтому у каждого в нашей общине есть такой амулет — знак связи с теми, кто жил на этой планете до нас, и с нашим будущим домом.

Лицо Лики ничего не выражало. Она так и стояла неподвижно, вжимаясь спиной в угол комнаты и уставившись на стену с прозрачным шариком. Росси решил, что пора сменить тему разговора.

— Ты так и не сказала, почему пришла ко мне? — спросил он и снова шагнул к Лике, заслоняя от нее амулет. — Что-то случилось? Нужна помощь?

Девушка наконец взглянула на Росси:

— Грета сказала, ты помог ей разобраться со сферическими интегралами. Это правда?

— Да.

— Зачем?

— Как это «зачем»? — не понял Росси. — Зачем вообще помогают?

Лика раздраженно фыркнула. Она уже почти совсем пришла в себя.

— Не прикидывайся наивным дурачком, тебе это не идет! Никто не помогает «вообще»! Тем более в учебе — при такой конкуренции за лучшее место в распределении никто не даст лишний шанс сопернику просто так! У нас в экспедиции надо годами ждать, пока освободится хорошая должность, и на нее всегда не меньше двух десятков кандидатов! Я видела, как мой отец боролся за свой пост! Люди делают что-то для других, только если им что-то нужно от них взамен! Я помогла тебе освоиться в училище, ты за это помог мне с расчетами. Это понятно. А зачем ты помог ей? Что она пообещала взамен? Или она тебе просто... нравится?

— В каком смысле? — настороженно спросил Росси.

— В том самом, — прищурилась Лика. — Я же говорю, не прикидывайся дурачком! Нравится?

— Да нет же! Лика, ну при чем тут это? Человек просто попросил объяснить непонятную тему...

— Значит, не нравится, — удовлетворенно кивнула Лика. — А я? Я тебе нравлюсь?

Росси замаялся. Лика истолковала его смущение по-своему, шагнула вперед и в следующую секунду уже крепко обнимала Росси и прижималась к его губам. Неожиданно для себя он ответил на поцелуй с таким энтузиазмом, что ненадолго выпал из реальности и опомнился только тогда, когда в голове как будто сработал сигнал тревоги. Росси отстранился. Пожалуй, слишком резко — даже опрокинул стул. И, удерживая девушку на расстоянии вытянутой руки, выдохнул:

— Нет, Лика, нет!

Та дышала так же тяжело, смотрела требовательно.

— Почему нет? Ты же сказал, я тебе нравлюсь!

Росси этого не говорил, но решил, что лучше не спорить:

— Нравишься. Только... у меня уже есть девушка. Там, на Радуге. Я не могу. У нас так не принято.

Лика некоторое время стояла молча, глядя на него в упор. Потом, так и не сказав ни слова, повернулась и вышла в коридор.

Росси поднял стул и уселся собирать напечатанный макет. Лазерная пушка никак не хотела входить в предназначенный для нее паз. В конце концов, Росси надавил на точку крепления слишком сильно, и деталь треснула. Теперь ее придется печатать заново. Настроения работать не было никакого.

На следующий день во время обеда Росси вдруг неожиданно вызвали к коменданту Крепости.

В огромном кабинете коменданта потолок мерцал картой звездного неба, а стены-пейзажи повторяли вид с обрыва. За длинным столом сидел сам комендант. Он

был очень стар, старше всех пришлых, которых доводилось видеть Росси, однако держал осанку так, как не у всех курсантов получалось, а глаза его смотрели жестко и внимательно. Рядом с Комендантом сидела лейтенант Мирелла. За спиной навтыяжку стояла Зануда.

Долгое время никто ничего не говорил. Начальник училища молчал, разглядывая Росси, а остальные не смели нарушить его молчание. Наконец он произнес:

— К нам поступила... информация о тебе. Очень серьезная информация, заслуживающая самой тщательной проверки. И мы провели эту проверку. Прапорщик Эльге!

Зануда выступила вперед, сняла крышку со стоявшего на столе контейнера и снова шагнула за спину коменданта.

— Подойди сюда, курсант, — сказал тот. — Тебе знаком этот предмет?

Росси приблизился к столу, заглянул в контейнер. Там лежал амулет.

— Да, — подтвердил Росси и улыбнулся всем троим. — Это мое.

Комендант и Мирелла переглянулись. Росси решил сразу объяснить, что к чему.

— Я знаю, вы думаете, что это опасно для людей, — сказал он. — Но вы ошибаетесь. Это не так.

И повторил все, что рассказал накануне Лике.

Его выслушали, не перебивая. Но как только он закончил, комендант поднялся и зашагал по кабинету — от одной голографической стены к другой. Казалось, он мечется между двумя обрывами, не в силах выбрать, с какого лучше броситься вниз. Наконец остановился, обратился к Росси:

— Скажи, тебе нравится у нас в училище? Ты хотел бы здесь остаться?

Росси, не ожидавший такого вопроса, слегка растерялся — до сих пор он не думал, нравится ему или нет, просто выполнял просьбу людей Радуги. Чуть помолчав, он решил сказать то, что чувствовал:

— Я не знаю. Там, на острове, у меня дом, семья, настоящие друзья. Здесь друзей пока нет. Но здесь мне рассказывают о том, чего я никогда не узнал бы дома. И многое кажется полезным и нужным. Хотя иногда то, чему вы учите, вызывает желание спорить. А иногда даже слушать неприятно. Но все равно я хотел бы побыть здесь подольше. Ради знаний. Мне у вас интересно.

Комендант смотрел на Росси с таким недоверчивым удивлением, словно перед ним стоял не человек, а говорящий снежный шар.

— Что ж, — проговорил он наконец, — откровенность за откровенность. Мне сразу не понравилась идея в первый же год колонизации набрать в училище местных ребят. Программа у нас сложная. Однако Совет экспедиции пообещал мне, что возьмут только тех, кто пройдет все тесты, и я согласился. Ты прошел тесты с отличными результатами. Учишься очень неплохо. А теперь еще и говоришь, что тебе у нас интересно... И я ловлю себя на мысли, что мне бы тоже хотелось, чтобы ты у нас остался. Да-да, несмотря на то что раньше я был против. Я беседовал с твоими преподавателями. В тебе много хороших качеств. Ты мог бы стать одним из лучших моих курсантов.

Он замолчал, оглянулся на Миреллу, словно ожидая от нее поддержки. Но та слушала напряженно, выжидатель-

ФАНТАСТИКА

но и явно не собиралась вступать в разговор. Комендант вздохнул, снова повернулся к Росси:

— Однако ситуация складывается такая, что я вряд ли смогу ли тебя оставить.

— Почему? — Росси вовсе не огорчало, что придется вернуться домой, но он должен был точно знать причину.

— Видишь ли, — комендант говорил медленно, тщательно подбирая слова, — твой образ мыслей настолько отличается от нашего, что я даже не уверен, смогу ли понятно объяснить. Не уверен даже, несут ли мои слова для тебя тот же смысл, который вкладываю в них я, потому что не могу поставить себя на твое место. До сегодняшнего дня понятия «суеверие» и «предрассудок» были для меня лишь сочетаниями звуков, давно потерявшими всякое значение. И вдруг обнаруживается, что целая община совершенно нормальных с виду людей верит в то, что биомасса научилась их понимать только потому, что много поколений подряд питалась человеческими трупами! Я прожил долгую жизнь, однако ни разу не сталкивался с подобной дикостью. Даже представить себе не мог, что мышление разумного, образованного, талантливого человека может быть настолько иррациональным. Это за пределами здравого смысла, за чертой понимания... — Он покачал головой. — Мы, конечно, предполагали, что изоляция на заброшенной планете как-то повлияла на людей Радуги, но чтобы настолько! Вы же отказались от всех наших идеалов! Один из курсантов младшего курса уверяет, что ты призывал считать хозяевами планеты не людей, а какие-то местные примитивные формы жизни, которые, по сути, не более чем гигантские колонии простейших! Это правда?

Росси недоуменно смотрел на расстроенного старика, не понимая причин его огорчения.

— Но ведь это же и правда их планета, — сказал он тихо, но твердо. — Даже если они и не такие разумные, как мы, все равно мы здесь гости, а они хозяева. У нас нет права...

Он увидел, с каким горьким сожалением смотрит на него комендант, и не стал продолжать. Начальник училища вернулся на свое место, но садиться не стал — так и стоял, чуть подавшись вперед, глядя на контейнер и тяжело опираясь о стол.

— Ну и что с ним теперь делать? — спросил он наконец у женщин.

— Исключить! — бодро протянула Зануда.

— Перевоспитать, — сказала Мирелла. — Переубедить.

— Пока мы будем его переубеждать, он может и других курсантов заморочить своими сказками, — хмуро возразил комендант. — Вы же слышали того мальчика, Марри, — он уже начал сомневаться. Если мы оставим

этого молодого человека в училище, то добавим себе лишних хлопот.

— А если отправим его обратно, то можем потерять наш единственный шанс как-то повлиять на его сородичей, — спокойно ответила Мирелла. — А мы обязательно должны на них повлиять. Иначе потом, когда биологи приступят к выполнению главной задачи, у нас будут большие проблемы. И кстати, Росси действительно очень способный и мог бы стать одним из лучших...

Комендант тяжело опустился в кресло и задумался.

— Вы правы, Мирелла, — сказал он наконец. — Отправить его обратно на Радугу было бы самым простым, но не самым правильным решением. Однако и рисковать душевным здоровьем остальных учащихся мы тоже не имеем права. Если эти дикие взгляды начнут разделять наши собственные дети, то у нас будут не просто большие, а огромные проблемы. Может быть, даже неразрешимые. Есть предложения?

— Есть! — снова твякнула Зануда. — Разрешите изложить?

Комендант повернулся к ней:

— Излагайте.

— Подождите! — вмешалась Мирелла. — Мне кажется, мы можем уже отпустить курсанта.

Комендант помедлил, потом кивнул:

— Ты свободен, курсант. Можешь идти.

Росси не двинулся с места. Комендант вздохнул:

— Ну, что еще?

— Мой амулет, — спокойно произнес Росси, глядя ему прямо в глаза.

Комендант пожал плечами:

— Забирай. Нет смысла его конфисковать — это всего лишь символ. Когда поймешь, как глупо верить в такую чушь, сам его выбросишь.

Вкают-компании было так же уютно, как обычно: отражения светильников мягко сияли в прозрачном пластолите стола, на стенах плавно сменяли друг друга живые пейзажи, в углу тихо журчал декоративный водопад. Но ужин до сих пор не начался — курсанты стояли навытяжку и ждали, когда Зануда закончит свою речь.

— ...за распространение нелепых суеверий наше училище объявляет курсанту Росси бойкот. Всем остальным курсантам запрещается разговаривать с ним до тех пор, пока он не откажется публично от своих заблуждений. Мы, преподаватели и воспитатели, проследим за этим. Кроме того, по распоряжению коменданта Крепости курсант Росси будет теперь заниматься по индивидуальной программе. Ему придется посещать факультативы по истории освоения космоса и практической биологии и уделять больше времени строевой подготовке... — Она сделала паузу, оглядела всех внимательными недобрыми глазками и скомандовала отрывисто: — Вольно! Садитесь! — И стукнула жезлом.

На столе тут же появились плоские контейнеры с ужином.

Росси ничего не понимал. То, что сказала Зануда, не укладывалось у него в голове. Может, он ослышался? Или это какая-то глупая шутка? Не мог же комендант всерьез потребовать такого от курсантов! Как можно запретить одному свободному человеку разговаривать с другим?

Кто послушается такого приказа? Он обвел глазами сидевших за столом сверстников, надеясь поймать их взгляды, заметить хоть одну улыбку. Но никто не улыбался, никто не смотрел на него. Не слышно было и обычных перешептываний — курсанты молча ели, сосредоточенно уставившись в свои тарелки. Сразу после ужина Росси ушел к обрыву.

Лиловое солнце почти скрылось за горизонтом, но небо над далеким островом Радуги было светлым и прозрачным, и снежные валы там, вдали, красиво искрились зеленовато-синими отблесками. Однако чем ближе к берегу, тем гуще становились сумерки. У подножий скал море еле просвечивало сквозь темноту смутно белеющей массой. Здесь, на утесах, еще играли на камнях отсветы ушедшего дня.

Росси нахмурился. Камни блестели слишком чисто и ярко. Он вгляделся и понял, что на них больше нет ни мха, ни паутины, ни засохшей слизи синих червей — ничего. Только голая, гладкая, чуть оплавленная лучами бластеров поверхность.

Иногда Росси ловил краем глаза злорадные усмешки, слышал ехидные реплики за спиной. Но это случалось редко, в основном его просто не замечали. Это не очень расстраивало, он ведь так и не успел подружиться ни с кем по-настоящему. Но изумляло, с какой легкостью курсанты выполнили приказ Зануды, как единодушно послушались. Почему?! Ведь он всегда им всем помогал, выполнял их просьбы, ни разу никого не высмеял, не обидел... Почему же они так быстро согласились вычеркнуть его из своего круга? Почему ни один, даже Марри, не попытался заступиться или хотя бы поговорить с ним тайком?

Постепенно Росси перестал удивляться, а потом и привык — привык к молчанию к тому, что его избегают, отворачиваются, проходят, как мимо пустого места. Время слилось в один бесконечно долгий, скучный, заполненный то зубрежкой, то муштрой день. Во время сеансов связи с семьей ему иногда ужасно хотелось пожаловаться отцу и деду — Росси не сомневался, что, как только они узнали бы про бойкот и его причины, его тут же забрали бы домой. И именно эта мысль останавливала его. Росси долго думал и решил, что сбежать было бы неправильно. Ведь там, в кабинете коменданта, Мирелла сказала то же самое, что и дед: его пребывание в училище может помочь людям Крепости и людям Радуги понять друг друга. Правда, каждый имел в виду какое-то свое понимание. И все-таки раз двое таких, пусть и непохожих, но очень умных, опытных, много видевших в жизни людей думают, что ему лучше оставаться здесь, то он останется. Уйти никогда не поздно.

Лиловое солнце освещало стоявший перед Крепостью флаер, прилетевший с исследовательской базы биологов, чтобы забрать группу старшекурсников на практикум. Росси вынужден был принять участие в этом мероприятии — комендант не собирался отменять своих распоряжений, и «дикаря», не желавшего публично отказаться от своих суеверий, по-прежнему заставляли углубленно изучать биологию. Лица, хоть и не нуждались в дополнительных занятиях, тоже летела — навестить отца.

Флаер взмыл над скалистой береговой линией и взял

курс на запад. Курсанты оживленно переговаривались между собой. На Росси, как обычно, никто не обращал внимания. Он повернулся к иллюминатору и всю дорогу неотрывно смотрел на расстилавшееся внизу море — темные кляксы островов посреди бесконечной зелено-вато-белой равнины. Небо с высоты казалось изогнутым, как перевернутая чашка, а горизонт — округлым.

База располагалась на небольшом клочке суши, похожем скорее на плоский скальный монолит, чем на остров. Отец Лики и двое его коллег стояли у края посадочной площадки. Рядом переминался с копыта на копыто устаревший, давно списанный из кавалерии наноскакун. На фоне лазерной пушки и криокатапульты последних моделей он смотрелся почти карикатурно.

Главный биолог сразу же заметил в группе незнакомое лицо, поманил к себе:

— Ну, здравствуй, Росси. Наслышан о тебе. Давай договоримся так. Во время экскурсии вопросов не задавать. Если что-то непонятно — делай заметки для себя. Потом подойдешь ко мне, мы все обсудим. Хорошо?

Росси кивнул.

Курсантов повели по базе. Она, как и ожидал Росси, оказалась совсем не такой, как биостанция его родного острова, — ни теплиц, ни чанов с белковой массой. Только лаборатория, в которой синтезировали лекарственные препараты, выглядела знакомо и привычно. В остальных помещениях стояли установки, которых он никогда не видел на Радуге, — оборудование для изучения опасных для человека видов и борьбы с ними.

Когда экскурсия закончилась, все снова вышли наружу. Там Лика каталась верхом на равнодушном наноскакуне. При виде группы она весело помахала отцу рукой. Тот ответил шутливым салютом и повернулся к Росси:

— Так что? Есть у тебя дополнительные вопросы?

— Никак нет, — четко ответил Росси. — Все понятно, господин главный биолог.

— Вот как? — Ликин отец смотрел на него с улыбкой. — Это замечательно, когда все понятно. Значит, ты поменял свою точку зрения?

— Никак нет, — все так же четко и внятно ответил Росси. — Не поменял. Я понимаю, что и как вы делаете, и понимаю зачем. Но я по-прежнему думаю, что у вас нет на это права.

Главный биолог продолжал улыбаться:

— А права у нас нет потому, что ты считаешь местные формы жизни разумными? Хоть это и ненаучно?

Росси не хотелось обострять конфликт с пришлыми.

— Может, не будем это обсуждать?

— Почему же?

Росси пожал плечами:

— Вы ученый и один из главных людей в эскадре. А я курсант, у которого нет ни чина, ни звания, и, по вашим же правилам, я не могу спорить с вами на равных.

— Верно, — весело согласился отец Лики. — Не можешь. Но наши правила тут ни при чем. Спор на равных невозможен не потому, что у тебя нет чина, а потому, что недостаточно знаний.

— Я жил здесь с рождения, — возразил Росси. — И мой отец, и моя мать, и их родители. Об этой планете и о местных видах я знаю гораздо больше вас.

— Правда? — Главный биолог искоса взглянул в сторону остальных курсантов, столпившихся вокруг криокатапульт-

ФАНТАСТИКА

ты и явно прислушивавшихся к разговору. — Что ж, тогда поделись со мной своими знаниями. Хотя бы о шарах. Может, я действительно чего-то не понимаю? Ведь, с моей точки зрения, ни о каком разуме у этих существ не может быть и речи. Ему там просто неоткуда взяться. Это колонии простейших, гигантские скопления одноклеточных организмов, только и всего.

— Человеческий мозг тоже всего лишь скопление клеток. — Росси чувствовал, что, несмотря на шутливый тон биолога, разговор пошел важный и серьезный, и ему очень хотелось найти нужные, убедительные доводы. — Но эти клетки обмениваются сигналами, информацией, импульсами, и получается разум — ваш, мой... Почему вы не хотите хоть на секунду допустить...

Биолог нетерпеливо перебил, не дав Росси закончить фразу:

— Допустить можно все. Но любое допущение надо доказывать. Поэтому, раз ты продолжаешь считать себя правым, предлагаю провести эксперимент. Давай проверим, действительно ли шары умеют чувствовать благородные высшие эмоции, присущие только разумным существам: обиду, гнев, солидарность... все то, о чем ты рассказывал моей дочери.

— Как вы собираетесь это проверять? — недоуменно, с легкой тревогой спросил Росси.

Вместо ответа Ликин отец повернулся, крикнул одному из сотрудников станции:

— Начинайте!

Тот кивнул, сделал курсантам знак отойти в сторону.

Загудел мотор. Катапульты медленно и плавно заскользила по рельсам к самому краю скалы и застыла с поднятым вертикально, повернутым в сторону обрыва ковшом.

С тихим шелестом захваты извлекли из укладки сплюснутый пузатый криоснаряд, втокнули в желоб. Росси оцепенело смотрел, как он уверенно движется вверх, к ковшу, и не мог оторваться от этого зрелища, не мог заставить себя повернуться к морю... Снаряд вполз в ложемент. Снова загудел мотор, оттягивая ковш катапульты назад. В кого они собираются стрелять?! Росси наконец стряхнул с себя оцепенение, повернулся всем телом на сто восемьдесят градусов — и увидел, что самые худшие его опасения подтвердились. Среди волн плясали шары.

— Нет! — закричал он. — Не делайте этого!

Лица засмеялась. Она сидела на дурацкой неживой лошади, больше похожей на огромное насекомое, чем на лошадь, смотрела на Росси в упор и хохотала как ненормальная. Росси в отчаянии повернулся к ее отцу:

— Ну зачем?! Зачем? Что они вам сделали?!

И вдруг заметил, что остальные курсанты тоже напря-

женно ждут ответа главного биолога. А тот, почувствовав общее настроение, заговорил размеренно, подчеркнуто успокаивающим и в то же время слегка насмешливым тоном:

— Мне — ничего. Да и остальным исследователям — тоже. И если бы ты не начал рассказывать в училище сказки о разумности этих комьев примороженной слизи и настаивать на их праве распоряжаться планетой, нам с комендантом не пришлось бы тратить снаряд на практическую демонстрацию. Так что вини только себя.

Впервые в жизни Росси почувствовал настоящую злость.

— Себя? — произнес он, изо всех сил стараясь говорить так же спокойно и насмешливо. — Ну уж нет. Не я стреляю в них, а вы. Это ваш выбор. Ваше решение. Остановитесь. Пока еще не поздно, прошу вас, остановитесь! Ну почему вы не можете просто поверить?!

Гудение мотора внезапно смолкло — ковш катапульты отошел назад до упора и замер. Снаряд лежал в нем, как яйцо в гнезде. Отец Лики отвернулся от Росси, scomандовал негромко, почти устало:

— Пошел!

Ковш стремительно взметнулся вверх. Резкий свист рассек воздух.

Достигнув расчетной точки, снаряд распался в воздухе на множество сверкающих капсул, и они дождем обрушились на стайку скользких по морским гребням шаров. По белым пушистым бокам зазмеились глубокие трещины — страшный, космический холод разрывал шары на части, раскалывал их на куски... Казалось, даже волны застыли.

— Е-е-есть! — восторженно заорала Лика.

Словно отвечая на ее крик, море вокруг подстреленных шаров вдруг снова задвигалось — и начало меняться, необъяснимо и жутко. Валы полезли друг на друга, они вздымались все выше и выше, громоздились горой, окружая скалу, на которой стояла база. И за считанные минуты из моря выросла огромная белесая стена и сомкнулась куполом над головами испуганных людей.

Лика больше не смеялась. Она, как и все остальные, молча смотрела на плотную массу, закрывшую небо. Купол начал медленно сжиматься к центру.

— Они хотят нас раздавить! — Лика бросилась к отцу, вцепилась в него. — Мы все умрем! Папа, сделай же что-нибудь!

— Пушка, — сказал другой биолог. — Пробьем эту штуку лазером!

Ликин отец смотрел то на пушку, то на купол, не решаясь отдать приказ.

— Никакой лазер вам не поможет. — Росси сделал несколько шагов к живой стене. Он стоял теперь так близко, что чувствовал запах морского снега, ощущал исходящий от него холод. — Море затынет любое отверстие. А вам будет только хуже.

— Папа, пусть он замолчит! — истерически завизжала Лика. — Пусть он замолчит! Стреляйте же! Стреляйте! Здесь уже нечем дышать! Я не хочу умирать! Не хочу, не хочу-у-у-у!

Росси видел по лицам, что еще секунда — и все остальные курсанты будут визжать и выть от ужаса не хуже Лики, и пришлые совсем потеряют рассудок. Чего доброго, и

правда выстрелят. И тогда море обидится по-настоящему. Он представил, как по всей планете вырастут из снежных валов огромные рассерженные волны. Представил, как они вот такими же куполами нависнут над островами и раздавят и исследовательские базы пришлых, и их корабли, и Крепость, и другие училища... И остров Ледяной Радуги?! Нет! Этого нельзя допустить!

— Не смейте стрелять! — закричал он, и все повернулись к нему. — Успокойтесь! Я знаю, что делать.

Он повернулся к стене. Медленно поднял руки. Вздыхнул. И плотно прижал ладони к пульсирующей белой поверхности.

Сначала Росси чувствовал только холод. Но вот кожу начало покалывать, потом жечь... Жжение усиливалось, становилось все болезненней. Росси увидел, как из-под ладоней тонкими струйками потекла кровь. Он сдвинул руку в сторону. На стене остался алый отпечаток — он быстро впитывался в снег, растворялся бесследно...

На секунду Росси стало жутко — а вдруг пришлые правы? Вдруг море просто тупая прожорливая масса, с которой невозможно договориться, которая сейчас поглотит без остатка и его, и этих идиотов? Но он вспомнил танцы шаров, их веселые, совершенно осмысленные игры. Мотнув головой, отогнал все непрошенные страхи. Море должно узнать его, принять и понять: ведь его кровь — это кровь тех, кто сам стал морем. Они связаны крепко — поколениями ушедших, общей памятью, общим чувством.

Росси вдруг почувствовал, что больше не касается поверхности, — стена прогибалась под его ладонями, отодвигалась, словно не хотела причинять ему боль. Жжение стало утихать.

— Не убивай их, — попросил он, ни в чем больше не сомневаясь. — Дай им уйти. Иначе остальные так ничего и не поймут. Так никогда и не поверят. Потому что убивать может и безмозглая, неразумная стихия. Только тот, кто мыслит, умеет прощать. Отпусти их. Пусть расскажут остальным. Пусть заставят их поверить.

Росси не видел, что делают люди за его спиной, но чувствовал, что они его слушают. А потом сквозь плотную снежную массу пробился луч света — и купол раскрылся, подобно чашечке цветка. Гигантская волна медленно опала, застыла у самого края скалы.

Росси шагнул на нее и пошел на восток, к острову Ледяной Радуги. Снежное море слегка прогибалось под его ногами, как недавно стена под ладонями, но держало надежно, и он знал, что дойдет. Лиловое солнце садилось за горизонт. Росси уходил по колышущейся зеленовато-белой равнине, и десятки сверкающих в закатном свете шаров, радостно подпрыгивая, катились за ним.

Люди на скале молча смотрели им вслед.

